

Т. А. Листова

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Т. Б. ЩЕПАНСКОЙ
«МИР И МИФ МАТЕРИНСТВА»

Сам выбор сюжета заставляет обратить внимание на статью Т. Б. Щепанской. Изучение культуры города — задача и интересная, и нужная, тем не менее этнографы редко обращаются к этой проблематике. Одних, возможно, отпугивает сам объект изучения, требующий неординарных методов исследования, другим культура села кажется более «этнографичной» и потому более привлекательной.

У Т. Б. Щепанской необычен и подход к изучению. Любой исследователь современной общественной жизни сам в большей или меньшей степени является ее участником; чувствуя некоторую субъективность своих оценок, он стремится встать в позицию беспристрастного аналитика. Т. Б. Щепанская пошла по непривычному пути: она не только не старается взглянуть на современную жизнь со стороны, но, наоборот, источником для исследования делает свою собственную беременность и рождение ребенка. Таким образом, она выступает сразу как бы в двух ролях: объекта исследования и исследователя. Получилось живое, оригинальное, содержащее много интересных наблюдений описание современной городской практики, связанной с материнством. В центре внимания — женщина в период беременности и родов, ее мироощущение, особенности ее жизни в этот период.

В статье показаны отношения к беременной, круг ее общения, интересов, забот, организация жизни молодых матерей, взаимопомощь, отношение к ней в семье и т. д. Весь материал рассмотрен сквозь призму переживаний автора, что само по себе можно считать достоинством работы, выделяющей ее из массы безликих статей. В то же время очевидно, что статья написана женщиной, не только эмоционально обостренно воспринявшей свое материнство, но и одновременно анализировавшей свои ощущения, вводя их, не всегда обоснованно и убедительно, в привычные для нее категории символов, моделей, структур, т. е. применяя семиотическую интерпретацию культурных явлений. Это, видимо, определяет и своеобразный стиль письма: чисто разговорный язык излишне, на мой взгляд, перемежается со специальными терминами (часто несколько небрежно, вызывая ощущение «научности»).

Оригинальный подход к исследованию темы делает статью интересной для читателей с разными вкусами: кто-то порадует наблюдательности этнографа, других заинтересуют семиотические построения, читательницы-мамы вспомнят свой опыт. Мне же кажется, что особую ценность работе и для современника, и тем более для будущего читателя, который возьмет ее в руки лет через 50, придает ее своеобразный информативный характер. Непосредственность изложения (временами характер исповеди), стремление предельно точно и полно передать свои чувства, мысли, поступки позволяет отнестись к сочинению Т. Б. Щепанской не только как к самостоятельному исследованию, но и использовать авторский самоанализ как источник для изучения образа мыслей современной горожанки — представительницы определенного слоя женского населения города.

Хотя автор предупреждает, что в статье предложен анализ собственного состояния и поведения в указанный период ее жизни, однако подзаголовок и ряд заключений говорят о том, что представленный материал должен рассматриваться уже как обобщение и типология этнографии материнства современного города. В связи с этим мне хотелось бы высказать соображения по поводу ряда выводов, кажущихся мне спорными и субъективными, а также

обратить внимание на некоторые проблемы современной культуры материнства, не нашедшие места в статье, делая при этом для сравнения и небольшие экскурсы в духовный мир женщины прошлого, о котором мы можем судить и по описаниям XIX — начала XX в., и по собственным полевым изысканиям.

В каждом обществе складывалась своя система охраны матери и ребенка, обеспечивающая нормальное воспроизводство населения. Она включала не только практику, т. е. весь комплекс необходимых для этого, с точки зрения носителей традиции, рациональных и иррациональных актов, но и определенную подготовку детей и подростков — психологическую, нравственную, практическую. В той «модели мира», которая складывалась в представлении у каждой крестьянской (и не только крестьянской) девочки, ей была предназначена роль *одновременно* жены, матери, хозяйки. Видимо, самой природой в девочке закладываются материнские чувства, ее тянет играть с куклами в «дочки-матери», возиться с малышами. Традиционное воспитание помогало природе, создавая необходимые психологические установки и представления о будущей семейной жизни в соответствии со стереотипом общественного уклада окружающего мира: брак — семья — рождение детей как *естественный* и закономерный результат супружеских отношений*. Для этнографа, желающего понять взгляд народа на то или иное явление в его жизни, важно не только содержание получаемых при опросах сведений, но и реакции на предложенные вопросы. Из опыта бесед с многорожавшими деревенскими женщинами я знаю, как они просто оживают при воспоминании о свадьбах, с полным уважением к теме расскажут о похоронах и гораздо менее охотно обсуждают «родильные» сюжеты, руководствуясь принципом — «ну, что ж об этом рассказывать, на то она и баба, чтобы рожать». Сколько раз мне приходилось слышать: «Ну что спрашиваешь, раз сама рожала, значит, все знаешь». Невольно вспомнишь известную ободряющую фразу, не раз звучавшую в те времена, когда безлюдная земля после войн или эпидемий: «Ничего, на Руси еще бабы рожать не разучились».

Надо сказать, что и сам акт родов не воспринимался столь обостренно. Конечно, рождение ребенка, особенно первенца, — сильнейшее эмоциональное потрясение для каждой женщины, а появление нового существа не перестает удивлять человека. И все же в представлении об окружающем мире и месте в нем человека рождение собственного ребенка естественно вписывалось в общий процесс жизни на земле. Это особенно характерно, конечно, для сельских жителей, постоянно наблюдавших процесс рождения, обновления вокруг себя**. Отличие между рождением человека и животного, с точки зрения верующих, каковыми являлось большинство населения XIX в., лежало прежде всего в области духовной. Все сказанное свидетельствует о том, что беременность и роды не только не разрушали привычную семиотическую структуру мира женщины, но и органично входили в нее. Поэтому восприятие как «катаклизма»***, как мне кажется, можно считать нарушением традиционнo сложившегося менталитета женщины, виной чему прежде всего изменение той ориентации, которую дает общество подрастающему поколению. Однако, судя по многочисленным беседам с рожавшими женщинами, и в городе, и в деревне и сейчас более характерно традиционное отношение к деторождению.

* Изменение этого стереотипа жизни считалось естественным лишь при добровольном желании молодежи отказаться от «мирской» жизни и уйти в монастырь.

** Свидетельством идентичности родов у человека и животного, по представлениям крестьянства, может, например, служить тот факт, что отелившаяся корова подвергалась обрядам очистительного и апотропейного характера, во многом дублирующим обряды при рождении ребенка.

*** «Катаклизм» в переводе с греческого означает «катастрофа», «разрушительный взрыв».

Педагогика «эмансипированного» общества, его мораль (свобода внебрачных отношений, регулирование женщиной рождаемости), его ориентация на женскую независимость и самостоятельность до некоторой степени изменили систему ценностей. Я бы даже сказала об обеднении эмоционального мира прагматичных современных женщин, планирующих свою жизнь, в том числе и деторождение. Выражения «завести ребенка», «подождать заводить ребенка», обычные для современного лексикона, часто вызывают весьма критические комментарии пожилых женщин, отражающих на самом деле разное отношение к тайне зарождения: «Раньше говорили „Бог дал ребеночка“, а теперь „завели“, как кошку или собаку». В то же время можно говорить об обостренных болезненных материнских страхах современных, так сказать «цивилизованных» женщин. Боязнь за своего ребенка, горе при его смерти — естественные материнские чувства, но крестьянскую женщину при высокой детской смертности от безысходного горя спасала вера в то, что Бог призвал к себе ее младенца и уверенность в его загробном ангельском существовании. Отход от религии лишил женщину этой спасительной уверенности. Л. Н. Толстой в «Крейцеровой сонате», пожалуй, первый обратил внимание (излишне резко, что, возможно, объясняется спецификой мужских ощущений, связанных с родами и маленькими детьми) на постоянные муки, погруженность в материнские страхи интеллигентной городской женщины: «Если бы она (т. е. мать.— Т. Л.) была бы совсем животное, она бы не мучилась, если же она была совсем человек, то у ней была бы вера в Бога и она бы и говорила и думала, как верующие бабы: „Бог дал, Бог и взял, От Бога не уйдешь“»¹. Эти слова вызывают чувство обиды, протеста у современного читателя, а между тем автор лишь в столь жесткой форме передает близкое его собственным взглядам убеждение верующих крестьян в необходимость и естественность для каждого человека веры в Божественный промысел.

Говоря о культуре материнства, нельзя не сказать о проблеме, вызывающей и сейчас во многих странах бурные дебаты, в которых принимают участие общественность, церковь и даже государственные законодательные органы,— проблему дозволенности уничтожения зародившегося плода. Традиционная культура материнства включала не только практику, но и воспитание определенных религиозно-нравственных норм поведения в сфере интимной женской жизни. Мораль женщины воспитывалась и соответствовала морали того общества, в котором она жила и которое до известной степени контролировало ее поступки². Эта мораль запрещала ей предпринимать какие-либо шаги к уничтожению зародившегося ребенка, поскольку он, в соответствии с христианским учением о сущности человека, считался с первого момента живым самостоятельным существом (как говорили, «сразу на учете у Бога») и в определенный период беременности получал от Бога душу. Поэтому вытравление плода рассматривалось в народе как «погубление живой души» (т. е. приравнивалось к убийству) и, следовательно, как «непростительный грех». Начавшаяся после революции активная борьба с религиозными предрассудками, в том числе и с отношением церкви к изгнанию плода, постепенно (в 20-е годы лишь как исключение) подталкивала женщин, доведенных до отчаяния бесконечными экономическими трудностями, к совершению абортов. Но, как признавались многие пожилые женщины, делали это, «стараясь не задумываться», сознавая безнравственность поступка. Атеистическое общество, безразлично относящееся к установившейся массовой практике уничтожения

¹ Говоря о том или ином отношении к деторождению, я не ставлю цели дать ему отрицательную или положительную характеристику.

² Контроль общества за религиозно-нравственным поведением в крестьянской общине проявлялся в различных сферах жизни, так как за их нарушение, например за работу отдельных лиц в праздничные дни, могла пострадать вся община.

плода, рассматривая его лишь как законное право каждой женщины планировать свою жизнь и игнорируя существование каких-либо связанных с ним нравственных проблем, соответствующим образом упростило женское восприятие «прерывания беременности». За последние годы отношение общества, как и государства, к церкви существенно изменилось. Многие проявляют если не религиозность, то хотя бы интерес к религии своих предков, познают христианские нормы жизни, причем не только в церкви, но и в общении с верующими, через средства массовой информации, в том числе и от зарубежных проповедников, выступающих у нас и уделяющих большое внимание интересующей нас теме. В связи с этим для многих, особенно для тех, кто уже имеет детей и, о которых так хорошо пишет Т. Б. Щепанская, вновь возникает внутренняя проблема религиозно-нравственной дозволенности избавления от плода.

Личное мироощущение автора помешало ей увидеть всевозрастающую практику обращения будущих матерей к средствам христианской защиты, консультации их в церкви или хотя бы у сведущих людей относительно того, к каким святым нужно обращаться за помощью, какие молитвы читать, причащение беременных, крещение и причащение новорожденных и т. д. Кстати сказать, в сельской местности при отказе от многих суеверных запретов прошлого строго соблюдается запрет беременным работать во время крупных христианских праздников.

Коль скоро речь зашла о духовном мире женщины, позволю себе не согласиться с тем, что в период беременности «жизнь женской традиции замкнута на духовном уровне». В данном случае желаемая теория бесосновательно переносится в действительность. Как раз в это время женщина, кроме погружения в душевные переживания, усиленно «вьет гнездо», т. е. создает условия для будущего ребенка (автор сама отмечает переделки в доме — ремонт, перестановку мебели и т. д.). Кроме того, в условиях дефицита и роста цен все «приданое» стараются заготовить заранее (кстати сказать, для русской традиции не характерен суеверный запрет готовить вещи для малыша заранее). Кроме того, у современной работающей женщины очень мало возможности «замкнуться» в эмоциональном мире, так как 6,5 месяцев беременности она работает, при этом часто самостоятельно ведет хозяйство.

С моей точки зрения, бесосновательно утверждение о существовании «стереотипной формулы», «феномена» восприятия женщиной родов как «собственного рождения», что должно подтвердить построенную автором семиотическую картину рождения. Женщины, особенно рожаящие впервые, для которых необычны все ощущения беременности, действительно чувствуют себя «жилищем», но не просто «духа», а еще неродившегося человека. Принятый сейчас термин «беременность» ведь и происходит от слова «беремя» — ноша (в народной терминологии аналоги — «понести ребенка», «понести», «быть тяжелой», «быть на сносях» — в конце беременности). И роды всегда воспринимались как «разрешение от бремени» («опростаться»). Точно так же в разговорах недавно родивших женщин обычно две главные темы: о себе — как и как долго «мучилась» или же при легком протекании родов «отстрелялась» — и вторая, но гораздо более значимая — каким «он» родился и с первой же минуты обсуждение всех материнских страхов и забот.

Несколько преувеличенным мне кажется значение беременности и родов как фактора выделения родивших женщин в специальную особую категорию — «что-то вроде женских союзов». Безусловно, после родов в центре внимания матери ее ребенок, ее интересы и время заняты, особенно в первое время, только им. Но круг ее общения не столь уж замкнут.

Характер общения с неродившими подругами в разных возрастных группах различается. 20-летние мамы, обсуждая с большой охотой все проблемы материнства с другими мамами, также охотно делятся опытом со своими

еще не рожавшими подругами (чаще замужними), а те в свою очередь охотно перенимают опыт.

Сомнительно и утверждение того, что только после родов женщина окончательно утверждалась в женском статусе. Ведь женская жизнь в любом слое «доэмансипированного» общества четко делилась на добрачную и замужнюю. Неродившая по естественным причинам женщина в крестьянской среде в некоторых случаях исключалась из обрядовой жизни: так, она не участвовала в праздновании «бабиного» дня в честь повитух (там, где они были приняты), не входила в круг женщин, связанных взаимным проведыванием при родах (хотя сама могла навещать роженицу). Есть сведения, что из суеверных соображений иногда избегали приглашать бездетных на обрядовые роли при свадьбах и крестинах, т. е. там, где большую роль играла магия плодородия. Но каких-либо иных ограничений в обрядовой и тем более в общественной жизни не отмечено. В то же время родившая без брака девушка оказывалась в незавидном положении человека, как бы выпавшего из половозрастного и социального деления общества.

Отмечая наблюдательность автора, хотелось бы все же более четкой характеристики особенностей жизни большого города, в частности относящихся к передаче и приобретению опыта молодыми женщинами. В традиционной многодетной семье практические знания приобретались путем наблюдения над действиями взрослых и помощи матерям, в том числе и во время их беременности и при уходе за новорожденными. Кроме того, будущая мать получала рекомендации, существующие в практике родовспоможения той среды, в которой она жила, и принимала их безоговорочно, передавая в свою очередь дочерям. В современном городе при малодетности семей первый путь приобретения опыта почти исключен, во всяком случае, существенной роли не играет. Зато подчас усиливается суеверная часть подготовки роженицы, так как город, особенно большой, собирает суеверия, привезенные из разных мест, и все они с самыми лучшими намерениями «выплескиваются» на будущую мать. В этой связи весьма интересны сделанные автором на основе собственного опыта обобщения массы рекомендаций относительно поведения во время беременности, которые получает современная молодая горожанка. Правда, не совсем понятен принцип их перечисления. То ли автор приводит те из них, к которым прислушиваются современные женщины (т. е. речь идет о реальной практике поведения), то ли просто называет и классифицирует запреты и рекомендации, услышанные в городе (и не всегда в городе). Верно, скорее, второе предположение. Не всегда точна и классификация запретов. Так, совет не поднимать рук — это не «табу», а практическая рекомендация, так как это движение создает реальную опасность нарушить ход беременности и положения ребенка. Иногда «расшифровка» этих сюжетов слишком уж усложняется. Говоря о тех правилах предосторожности, которые соблюдают современные и городские и сельские жительницы, можно добавить еще один характерный для отечественной традиции штрих: упорное нежелание беременных женщин употреблять какие-либо химические препараты, если они предназначены только для собственного лечения или улучшения своего самочувствия, даже при уверениях врачей в их безвредности для ребенка (за исключением, конечно, безвыходных, опасных для женщин ситуаций).

Кроме того, практика современных городских, особенно столичных женщин формируется под очень сильным влиянием медико-педагогической литературы, причем периодически меняется мода на определенные школы. Не миновал этого и автор, о чем свидетельствует приведенная цитата из весьма популярного в последние годы наставника матерей Б. П. Никитина. Напомним, что речь идет о едва ли не самой важной и самой обсуждаемой сейчас в среде городских матерей проблеме — кормление новорожденных. В русской практике ухода за младенцами грудное молоко было основным и по возможности

единственным питанием детей в течение 1,5—2 месяцев*, при постепенном введении докармливания ребенок продолжал получать его в 1,5—2 года. Этой традиции придерживаются и современные мамы, применяя искусственные смеси по мере необходимости. Однако выводы Б. П. Никитина о существовании прямой зависимости между кормлением новорожденного матерью и формированием его характера не кажутся убедительными: ведь общепринятое в крестьянской среде длительное кормление грудью не гарантировало появление положительных установок в характере ребенка и, наоборот, нет никаких данных о том, что практика приглашения кормилиц в обеспеченных слоях общества ухудшала психику ребенка и ослабляла его чувство привязанности к родителям. Тем не менее такие утверждения вызывают беспокойство у молодых женщин, вынужденных переводить своего ребенка на искусственное вскармливание.

Интересны наблюдения автора о характере общения и взаимопомощи родивших женщин. Можно было бы расширить эту тему, сказав о кооперации при хождении в магазины, на молочную кухню, при гулянии и т. д., а также проследить, от чего зависит потребность и необходимость таких контактов, влияет ли на них возраст, совместное проживание, как долго они сохраняются. Кстати сказать, сейчас не всегда молодые первородящие мамы торопятся передавать детские вещи «по очереди». Экономические трудности заставляют придерживаться что-то, имея в виду возможность рождения следующего ребенка, или же продавать их. Остается неясным, считает ли автор, что в городе существует единая «женская культура» и намеренно ли избегает каких-либо этнических характеристик; вопрос о сохранении национальных особенностей в культуре беременности и родов среди жительниц многонационального города даже не затрагивается. Но возможно, анализ такого рода, сделав статью более содержательной, лишил бы ее эмоциональной непосредственности изложения.

Можно порадоваться за автора, поскольку в ее памяти сохранились самые теплые воспоминания о своей беременности как о времени, когда не только близкие, но и посторонние люди оказывали ей внимание и заботу. Общественное мнение всегда воспитывало бережное отношение к беременным женщинам как к необходимому условию сохранения здоровья женщины и ребенка и продолжению рода. К сожалению, сегодня нередко беременные или уже родившие женщины говорят о чувстве обиды на отсутствие общественной моральной и практической поддержки. Более того, их претензии даже на незначительные привилегии (в общественном транспорте, в очередях, на работе) вызывают, по их отзывам, подчас раздражение окружающих. Нередко от лиц старшего и среднего возраста можно услышать сердитые фразы: «Нашла время рожать», «Все для них делают, мы не так ходили». Это тем более удивительно, что, казалось бы, в наши дни при катастрофическом сокращении рождаемости общество, заботясь о своем будущем, должно с особым вниманием относиться к женщинам, решившимся иметь детей. Я имею в виду именно общественное поощрение, а не льготы и те более чем скудные дотации государства, распределение которых вызывает ревнивые чувства у разных возрастных групп.

В заключение можно отметить одну особенность статьи. При анализе «женской культуры» сквозь призму собственных женских ощущений автор в качестве комментариев, подтверждающих правильность ее заключений, приводит суждения, сделанные мужчинами (за исключением ссылки на эт-

* Известный исследователь детской жизни России Е. А. Покровский именно этим объясняет низкую по сравнению с другими европейскими странами детскую смертность в этой возрастной группе в России. См. Е. А. Покровский. Физическое воспитание детей у разных народов преимущественно России. М.: Изв. ИОЛЕАЭ, 1984. Т. XLV. Вып. 1.

нографическую работу Т. А. Бернштам). Это, безусловно, интересно как взгляд со стороны на женские проблемы. Однако философское изложение восприятия родов женщиной к «женской культуре» отношения не имеет. Об особенностях мужского менталитета в этом вопросе нужно писать отдельно.

Примечание

¹ Толстой Л. Н. Собр. соч. В 12 тт. М., 1987. Т. 11. С. 135.

Commentary to the Article by T. V. Schepanskaya «Maternity: Its World and Mythology».

The author comments on some of T. V. Schepanskaya's arguments, that seem to be subjective and disputable. She also discusses some problems of the modern maternity culture that have not been covered in the article. Little retrospections are made into the woman's spiritual life of the past, as it can be reconstructed through the XIX-early XXth c. descriptions and the author's own field materials.

T. A. Listova

© 1994. г., ЭО, № 5

Я. В. Чеснов

**ЖЕНЩИНА И ЭТИКА ЖИЗНИ
В МЕНТАЛИТЕТЕ ЧЕЧЕНЦЕВ**

Историческое отсутствие устойчивых государственных институтов регуляции поведения у чеченцев было компенсировано целым спектром нормативных правил и этических понятий. Мы беремся здесь перечислить только основные.

Примечательную эволюцию в чеченском менталитете прошли термины, в прошлом порожденные феодальными тенденциями, но осмысленные согласно этнической традиции. Таковы, прежде всего, понятия, сконцентрированные вокруг термина *овздангалла*. (В чеченском произношении буквы *ов* означают дифтонгизированный звук, похожий на немецкое *o*.) Это существительное восходит к общекавказскому, по происхождению скорее всего тюркскому, обозначению сословия служилого дворянства — *узденей*. На ранних этапах, освещаемых этногенетическими преданиями, «дворянскими» считались аборигенные *тайпы* (*овздан тайпа*) — подразделения субэтнического характера. Эта категория, естественно, была соотнесена с категорией зависимых, «неблагородных» *тайпов* (*лай*). Возможно, был прав чеченский исследователь М. Мамакаев, видевший в оппозиции *овздан тайпа* и *лай тайпа* противопоставление сильных и многочисленных тайпов слабым и немногочисленным. На примере с понятием *овздангалла* видна выраженная в чеченском менталитете черта — переработка межэтнических социальных и культурных универсалий в свое собственное, глубоко этническое достояние.

Примечательно то, что в чеченской среде термин социального неравноправия оказался насыщенным нравственным содержанием и получил противоположный вектор: не подавлять слабого, а воздерживаться от этого и даже защищать его. Нравственное расширение смысла термина включило также народную